

БРАТЯ АНДРЕЙ И СЕМЕНЬ ДЕНИСОВЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО РАСКОЛА.

V.

Событія до 1710 года: заботы Андрея о матеріальномъ благополучіи своей общины; поѣздка въ Кіевъ для ученія; отношенія его къ православному, къ еедосѣвщинѣ, къ поповщинѣ; написаніе «Діаконовыхъ отвѣтовъ».

Познакомившись съ устройствомъ Выговской общины, будетъ продолжать прерванный разсказъ о подвигахъ Андрея. Какъ скоро Андрею удалось собрать около себя паству, первымъ дѣломъ его было обезпечить матеріальный бытъ общины. На первыхъ порахъ пустынножители не имѣли иногда способовъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Запасы добродушнаго Захаріи Стефанова истощились скоро, а число членовъ общины расло со дня на день. Пашня, устроенная ими «подъ гарью», обманула ихъ надежды. — открылись частыя зябелы, а затѣмъ гладь и хлѣбный недостатокъ; на первый разъ братія благодушно встрѣтили это несчастіе: «и начаша солому ржаную стѣщи и тодочь на муку и хлѣбы солошенные ясти, точію растворъ ржавый, а замѣсь

весь соломенной муки (*); хлѣбы въ кучи не держались, помяломъ изъ печи пахали. И такова скудость бысть тогда, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать и не вѣдаютъ что, — многожды и безъ ужина жили». Андрей показывалъ всегдѣ примѣръ благодушія, ободрялъ братію словами Писанія, сочинялъ даже чудеса, стараясь подѣйствовать на ихъ суевѣріе (**). Но этого, конечно, было недостаточно. Потому, отобравъ у всѣхъ «въ братствѣ», что у кого съ собою было принесено изъ міра, — деньги, серебряныя монеты, Андрей самъ отправился на Волгу, гдѣ хлѣбъ былъ вельни дешевъ, и частію купивъ, частію въ милостыню выпросявъ у христіанцевъ нужное количество его, Андрей въ непродолжительномъ времени доставилъ его въ Пигматку — такъ называлась принадлежавшая выговцамъ пристань на Онежскомъ озерѣ, — а изъ Пигматки начаша оный хлѣбъ на себѣ въ крошихъ носить въ монастырь. Андрей былъ первый между «носаками», — это съ удовольствіемъ замѣчено было братіей... (***) Первая бѣда прошла благополучно; но хлѣбные недороды и забели, а вмѣстѣ съ ними и голодъ стали повторяться чаще, нѣскольکو лѣтъ сряду; паства Андрея начала роптать; многіе стали уходить изъ обители въ болѣе хлѣбныя мѣста; дѣло доходило до того, что община едва не распалась, — и только бла-

(*) Впрочемъ такая пища есть общій удѣлъ большей части крестьянъ олонецкой губ., — гдѣ болотистая почва крайне неудобна для земледѣшества, и гдѣ крестьяне и доселѣ ѣдятъ древесную кору съ примѣсью малаго количества муки. См. Описаніе олон. губ. Дашкова, Бегштрессера, Пушкарева, Штукенберга.

(**) См. Ист. Выгов. пуст. стр. 112: «въ то время одинъ мужъ изъ настоятелей, Андрей, на моленіи стояще, слыша гласъ отъ образа Пресв. Богородицы, къ нему глаголюще: нынѣ услыша Господь моленіе и слезы ваша....»

(***) Ист. Выг. пуст. стр. 89—90. «Не премолкнуть нивы и горы труды его возвѣщати: ово въ сѣченіи лѣсовъ, ово въ собираніи и пожиганіи дрѣвіа, — не помолчать дебри и блата кромель и кережъ хлѣбовъ ношенія его въ нужныя времена, да братство пропитается; явить трапеза братская нужныхъ самосѣяныхъ хлѣбовъ благодарное ихъ съ утѣшеніемъ прочихъ дденіе....»

годаря твердости Андрея и его находчивости, выговцы избежали грозившей имъ бѣды. Біографъ тономъ Патерика рассказываетъ о великодушій «преславнаго отца» и знакомить насъ съ тѣми пріемами, какіе употреблялъ Андрей въ сношеніяхъ съ своею паствою... Андрей поучалъ свою паству, «еже не малодушествовати: насаждай ухо не слышитъ ли, создавый око не смотритъ ли? Ей, не отринетъ Господь людей своихъ и достоянія своего не оставитъ». Но не смотря на эти увѣщанія, мнози изыдоша въ друзіи веси. Голодъ увеличивался; самыя мужественныя сердца начали колебаться и приходять въ смущеніе; каждый помышлялъ о выходѣ изъ общегитія въ хлѣбородныя страны. Самъ Михайлъ Ивановичъ Выташинъ, одно изъ самыхъ почтенныхъ лицъ въ монастырѣ, скрылся изъ него (*). Случалось такъ, что непосредственно за поученіями Андрея являлись къ нему братія, «прося благословенія на исхожденіе». Особенно просьбы стали часто повторяться, когда увидѣли, что и для будущаго года посѣянный хлѣбъ померзъ на нивахъ, что следовательно и на будущій годъ они «не имутъ видѣти представленнаго ястія на трапезѣ». Андрею не хотѣлось распустить собранное стадо «по своевольнымъ холмамъ». Наконецъ дошло до того, что «бысть на увѣщающаго отца роптаніе веліе, ичто не дасть всеобщаго распустительнаго благословенія». Андрей отправился въ Москву у христороубцевъ просить подаянія.—Подобныя разъѣзды Андрей повторялъ весьма часто, направляя ихъ то въ Новгородъ и Псковъ, то въ Нижній. Но и во время своихъ разъѣздовъ Андрей, какъ теперь, такъ и въ послѣдствіи не переставалъ управлять монастыремъ, заочно. Послѣ разъѣздовъ, онъ былъ встрѣчаемъ въ киновіи съ непритворною радостью. Казалось, будто Андрей съ тою цѣлію и уѣзжалъ изъ монастыря, чтобы дать братіи почувствовать, что онъ такое для нихъ и какъ пуста была бы безъ

(*) См. о немъ въ каталогъ Любопытнаго Чтен. Моск. Общ. Ист. 1863, кн. 1, стр. 14.

него жизнь выговцевъ. Въ короткое время, благодаря энергіи и предпринимчивости Андрея, матеріальное благооостояніе монастыря возрасло, и онъ сталъ обладать обширными хозяйствомъ. Андрей завелъ торговлю, занимая у добрыхъ людей деньги съ половиною; добрые люди «видя ихъ нужду, а въ торгѣ правду», охотно снабжали ихъ деньгами. Выговцы завели свои суда, на которыхъ переправляли «въ Питерь» хлѣбъ, закупаемый въ низовыхъ городахъ; у нихъ были свои пристани на рѣкахъ и озерахъ, свои постоянные дворы и своихъ людей «держаша для торгу и прїѣзду всѣхъ». Но напрасно думаютъ (Щаповъ), будто община имѣла мирское, житейски-хозяйственное устройство: выговцы въ этомъ случаѣ отнюдь не хотѣли стать въ противорѣчіе съ монастырскими уставомъ. Они думали подражать обыкновенному быту общежительныхъ монастырей, въ которыхъ (наприм. въ Соловецкомъ, который выговцы считали своей метрополіей) дѣйствительно имѣлось иногда полное хозяйство,—и рыбныя ловли, и пастбища и луга,—а монастырскіе крестьяне занимались продажей рыбы и иными торгами. Всѣ работы, какія предпринимались братіей «монастыря», разъѣзды для торга и пр., были, по мнѣнію выговцевъ, не чѣмъ инымъ, какъ монастырскими послушаніями, не подобіе того, какъ это дѣлалось въ общежительныхъ монастыряхъ, при исполненіи которыхъ братія не освобождалась отъ обязанностей инока, а должны были исполнять и келейное правило и пр. Вотъ что рассказываетъ на этотъ разъ біографъ Андрей. Однажды «отецъ» келейно разглагольствовалъ съ братією, пришедшею съ трудовъ изъ дальнихъ мѣстъ. Андрей спросилъ ихъ, исполняли ли они «въ отдаленныхъ своихъ службахъ и въ хожденіи по дорогамъ церковное и келейное правило». Тѣ сознались, что «ово отъ трудовъ, ово за немощъ тѣлесную; ово же отъ дѣлности презирается ими таковое душеопасительное неоцѣненное дѣло. Онъ же тяжцѣ вздохнувъ сказалъ имъ: о братіе, вонистину вы сущее остависте дѣло, возлюбисте же единю подѣланіе... На послѣдокъ же, аки бы со

великимъ нехотѣніемъ, но отъ ревности понуждаемъ, все-
смиренно самъ о себѣ объяви сице: азъ, братіе, грѣшный
человѣкъ, многажды бывахъ въ дальнихъ путешествіяхъ и
въ другихъ, мнящихся къ молитвѣ неудобныхъ, случаяхъ,
но николиже презрѣхъ такового молитвеннаго и келейнаго
правила. По исполненіи же того упражняхся и въ прочихъ
разумѣніихъ», и по собственному опыту знаю, что «никакія
никогда пользы ни въ чемъ не обрѣтохъ, аще когда оставя
молитву, за виновное поторопясь для лучшаго имѣтельства.
Нѣсть бо ни во умѣ, ни въ прочихъ чувствіихъ такового
всепріятаго превѣтельства, якоже бываетъ прозрачность и
благоустройство по исполненіи святой молитвы; самъ Господь
тогда спомоществуетъ во всѣхъ нашихъ умныхъ и тѣлес-
ныхъ дѣйствахъ».

Впрочемъ заботы о матеріальномъ обезпеченіи общины
были непосредственными занятіемъ Андрея только на первой
порѣ. Когда община устроилась, организовалась, — о Выгов-
скомъ монастырѣ прошелъ слухъ «изъ конца въ конецъ по
всей Русіи», — монастырь сталъ собирать богатія подаванія,
получать большія суммы по завѣщаніямъ умирающихъ, въ
уплату за иконы, рукописи, за причастіе, принесенное изъ
Соловецкаго монастыря Аврааміемъ (*) и пр: — тогда бо-
гатство монастыря такъ возрасло, что мнишыя иноки могли
свободно предаваться праздности и всему, что изъ нея произте-
каетъ. Андрей между тѣмъ принялся за другое дѣло, за ученые
труды, за проповѣдничество. Разъѣзжая для закупки и собира-
нія хлѣба, онъ достигалъ и другой цѣли. «П промышляше книги
и осматриваше, овыя покупаше, овыя списываше, испытуя,
како въ древлеотеческомъ благочестіи утвердитися. Також-
де досматриваше по церквамъ и по монастыремъ кресты и
чудотворныя иконы, како благословящая рука у Спасителя;
великое усердіе показываше, день и ночь тѣшася...» Изъ

(*) См. Анд. Иоанн. стр. 101. Объ этомъ впрочемъ не упоминаютъ ни
Иванъ Филіпповъ, ни біографъ Андрея.

разныхъ библиотекъ церковныхъ Андрей собралъ множество древнихъ книгъ, изъ которыхъ многія скрѣплены были подписью древнихъ благочестивыхъ князей и архипастырей (*). Такъ, устроая монастырское хозяйство, Андрей въ то же время занимался раскольнической ученостію, читалъ собранныя имъ рукописи и книги, обдумывалъ свои догматы. Въ то же время на Андрей лежало дѣло начальственнаго надзора надъ братіей и суда надъ виновными: «самъ ѣздяше по всѣмъ службамъ, осматривая и уставляя надсмотрщиковъ и келарей въ обоихъ предѣлахъ, чтобъ было житіе ихъ особъ въ своихъ оградѣхъ».—Чиня судъ и расправу, Андрей имѣлъ случай явить свою отеческую снисходительность и терпимость къ согрѣшающимъ, за которую особенно любили его братія. Въ этотъ же періодъ времени, до 1710 года, благолѣпіе монастырской службы и часовни доведено было до невиданной дотогдѣ степени совершенства: во время «свидѣтельства душъ», т. е. первой ревизіи, прибыли въ монастырь два замѣчательныхъ человѣка — вязниковецъ Алексѣй Гавриловъ «вельми хитрый въ дѣлѣ иконнаго писанія» и съ Москвы Иванъ Ивановъ «ученъ церковному пѣнію и по знаменію и по пошѣтѣ древлецерковныхъ книгъ». Дотогдѣ хорошо пѣть знали только трое: о. Данило, Петръ Прокопьевъ и Леонтія Федосеевъ: Теперь Андрей, собравъ лучшихъ грамотниковъ и самъ съ ними нача учытися пѣнію и многіе изъ нихъ научышася добръ, — составилъ такимъ образомъ хоръ, приводившій въ изумленіе и умиленіе посѣтителей выговской часовни. Не довольствуясь этимъ, Андрей, пришедъ скоро послѣ ученія на Лексу, въ сиротскую дѣвическую обитель, и собра грамотницъ и нача ихъ самъ учить пѣнію; овья изъ молодыхъ скоро навыхаху и научышася добръ. О. Андрей и самъ

(*) См. Преосв. Мак. стр. 260; Андр. Иоанн. 101. О томъ, какъ обширна была библиотека, собранная Андреемъ, можно судить по количеству и разнообразію цитатъ въ его сочиненіяхъ, напр. въ «Поморскихъ отвѣтахъ».

ноше съ ними и научая ихъ, яко отецъ чада своя. Въ то же время основана школа писцовъ для распространенія въ народѣ раскольничьихъ сочиненій, — та школа, произведенія которой, писанныя уставнымъ почеркомъ, и доселѣ встрѣчаются повсюду. Училище грамотности для малолѣтнихъ, основанное въ самомъ началѣ, теперь было расширено, и было въ числѣ предметовъ особенной заботливости Андрея.

Мы не имѣемъ на столько матеріаловъ, чтобы слѣдить за подвигами Андрея изъ года въ годъ. Мы расскажем нѣкоторые наиболѣе замѣчательные случаи изъ его жизни, на которыхъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются его биографы и которые характеризуютъ Андрея въ различныхъ отношеніяхъ.

Такова, вопервыхъ, его поѣздка въ Кіевъ. Прежде всего представляется непонятнымъ, какъ рѣшился глава раскола обратиться за ученіемъ въ Кіевъ, въ самый центръ «вражескаго стана?» Развѣ не проклинали первые расколоучители всѣя проклятіями кіевскую ученость и ея представителей въ Москвѣ—Никоновскихъ справщиковъ? «Діакона Θεодора митрополитъ иконійскій Аванасій`призываетъ, различные аргументы, различные истязанія о старомъ благочестіи предлагаше: грамматическаго художества искусъ воспріять ли еси? Разумѣваю отчасти грамматики, отвѣчалъ Θεодоръ, яко ни о вѣрѣ, ниже о догматахъ научаетъ... Платона и Аристотеля мудрохудожныя читалъ ли еси книги? продолжалъ митрополитъ; на сія возглашаше дивный Θεодоръ: кое мнѣ со гласіе или часть челоуѣку христіанину еллинскими баснословными водитися науками, ихъ же св. отцы нарекоша—ниже читати, ниже проникати въ оныя» (*). Такъ смотрѣла на ученость вообще первые расколоучители: прочитавъ «книгъ словенскихъ десятка три,» они уже считали себя са-

---

(*) См. «Виногр. Рос.» статья о діаконѣ Θεодорѣ, также сборникъ, печатанный въ Почаевѣ, начинающійся исторією объ отцѣхъ, — въ концѣ — собесѣдованіе Θεодора съ митроп. Икон. Аванасіемъ.

ными учеными людьми въ мірѣ... (*). Дѣйствительно, поѣздка Андрея въ Кіевъ представляется непосредственною. Но это обстоятельство весьма характеризуетъ Андрея, какъ новатора, какъ прогрессиста въ расколѣ: онъ хочетъ поработить врага его же оружіемъ — ученостію; онъ, «какъ пчела, люботрудитъ облеталъ всѣ вертоградъ, изъ которыхъ могъ извлечь источникъ премудрости, да готовъ будетъ къ отвѣту всякому, вопрошающему о его упованіи,» — снхъ ради великихъ благословныхъ вины, онъ не усумнился отправиться къ Кіеву. Во время первыхъ своихъ разъѣздовъ собравъ большое множество разныхъ книгъ, Андрей, при природныхъ своихъ способностяхъ, скоро сталъ обладать большою начитанностію. Но онъ чувствовалъ, что ему не достаетъ школьнаго образованія. Занимаясь изученіемъ св. отцевъ, говоритъ біографъ, Андрей встрѣчалъ у нихъ много терминовъ, не зная которыхъ, онъ затруднялся въ пониманіи отеческихъ твореній. Это наводило Андрея на мысль изучить всѣ тѣ правила, кои отверзаютъ пространный вѣдѣніи входъ во Св. Писаніе, — чтобы уиѣтъ «существительныя опредѣленія и естество-словныя изыскивать вины, справедливо разсуждать разность случаевъ, — что есть существо и случай, — различить существо отъ существа, ангела отъ человѣка, животное отъ нечувствительнаго.» И хотя Андрей уже давно, во время первыхъ своихъ разъѣздовъ, отъ «нѣкіихъ ученыхъ мужей» отчасти наученъ былъ «граничатики, яже есть начало и конецъ всякому любомудрію, отъ нея же всяко естество творится и естествословится;» но желая приобрести въ вѣдѣніи непостыдное совершенство, онъ сталъ искать болѣе искуснаго учителя. Услышавъ, что въ Кіевѣ «въ тамошнемъ богословскомъ училищѣ» есть нѣкій нарочитый учитель, онъ рѣшился отправиться туда (**),

(*) Такъ смотрѣлъ на себя тотъ же Феодоръ. См. Прав. Соб. 1859 года, 2, стр. 430 и слѣд.

(**) Пр. Филаретъ въ обзорѣ Р. Д. Л — ры (кн. 2, стр. 86) говоритъ, что Андрей слушалъ «уроки Вавилы, ученика Капитонова, ловкаго въ логику, философію и богословію.» Въ матеріалахъ, которые мы имѣли подъ руками, мы не нашли никакихъ указаній на подобныя отношенія Андрея къ Вавилѣ.

тѣмъ больше, что давно уже нѣтъ намѣреніе собрать тамъ отъ мощей и изъ древнихъ книгъ свидѣтельства въ пользу «древняго благочестія.»

Андрей отправился въ Кіевъ съ нѣсколькими купцами, нѣтъ при себѣ одного только ученика-послушника Мануила «великодушнаго.» На пути случилось слѣдующее происшествіе. Въ степи большой и безводной, въ жаркій день августа, путешественники остановились на отдыхъ. Купцы раскинули палатку; мало не добхавъ до нихъ, расположился и Андрей. «И се скоро на конѣ бѣжашо борзоходець.» Топиный жаждою и жаромъ, онъ попросилъ у купцовъ пить. Тѣ не зная, старой ли онъ вѣры, или просто пренебрегая имъ, отказали. Видя же бѣду его, всеразсудительный Андрей, поминная слова апостола: еще имамъ вѣру, яко и горы представляти, любве же не имамъ.... повелѣ Мануилу въ чашицу, изъ нея же сами пїяху воды, везомыя ими, изъ делвы нацѣдити и уксусу прилити и подати тому пити. Вельми благодаривъ, борзоходець отправился въ путь. Мануилъ пришелъ въ недоумѣніе отъ такого поступка Андрея и не зналъ, какъ поступить съ чашей, изъ которой пилъ борзоходець: упразднити ли ю себѣ на потребу, или въ презрѣніе повергнути? Андрей повелѣ ему ону чашицу водою измыти и потомъ нацѣдити во ону воды, паки прїишь и перекрестився испи воду изъ той чаши и повелѣ изъ нея ясти и пити. И тако великииъ своииъ разсужденіемъ остави будущему роду творити сицевый образъ,» замѣчаетъ біографъ. Андрей показалъ, что онъ чуждъ того узкаго и мелочнаго фанатизма, какииъ отличается рядовая раскольническая братія, — воздерживался отъ высокоумїя и мелочныхъ оскорбленій, которыя только раздражаютъ враговъ, не принося существенной пользы. Въ глубинѣ сердца у него таилась, конечно, не меньшая ненависть и презрѣніе къ православному люду, какъ и у другихъ раскольниковъ, но чѣмъ сильнѣе были эти чувства, тѣмъ глубже пряталъ ихъ этотъ осторожный расколуочитель.

Прибывъ въ Кіевъ, Андрей прежде всего обозрѣлъ св.

ищи, иконы и кресты, ница подтвержденія раскольническому нерстосложению. Потому — приходитъ окроевно къ независимому учителю чрезъ прочихъ знакомство, и своимъ благоговѣйнымъ, любомудрымъ видомъ и кроткими, учтивыми бесѣдами входитъ къ учителю въ любовное пріятельное свойство и безъ всякой опасности о всеи съ нимъ разглагольствуетъ: бѣ бо наименованъ купеческимъ. Когда Андрей довольно засвидѣтельствовалъ предъ нимъ свои таланты, учитель велитъ ему написать слово, на какой ему угодно текстъ. Андрей выбралъ «еюмоу» слова Соломона: «сотове водовѣи словеса добра» и написалъ въ короткое время слово, всякому ученому и неученому пріятно, еще же и отъ страсти празднословія цѣлительно, — и принесе къ учителю. Тотъ прочиталъ это слово въ собраніи всѣхъ учениковъ и спросилъ ихъ: какъ думаютъ они, кто авторъ этого слова? Ученики нашли, что оно, конечно, принадлежитъ кому-либо изъ древнихъ знаменитыхъ учителей церкви Златоусту или Амвросію и переведено съ греческаго или съ латинскаго языка... Послѣ такого триумфа, Андрей наипаче присно къ тому учителю отверстыи входъ себѣ получи и о всеи риторскомъ, философскомъ и ееологическомъ ученіи съ великимъ прилежаніемъ вопрошаше. Учитель охотно удовлетворялъ любознательнаго ученика: къ этому побуждала его «рекомендація нѣкая изъ Москвы о отцѣ Андрей», а отчасти и дары, почасту приносимые учителю Андреемъ.

Къ сожалѣнію, біографъ Андрея не говоритъ, въ которомъ году былъ Андрей въ Кіевѣ и нельзя положительно сказать, кто былъ тотъ нарочитый учитель, о которомъ дошли слухи въ Выговскую пустыню, и который волею или неволею оказалъ такую услугу расколу. Въ «житіи» разсказъ о повѣздкѣ Андрея въ Кіевъ помѣщенъ непосредственно предъ разсказомъ о поникѣ Семена въ Новгородѣ, которая случилась въ 1710 году и послѣ разсказа объ устройствѣ женскаго монастыря на Лексѣ. Трудно предполагать, чтобы Андрей предпринялъ дальнюю повѣзду въ Кіевъ прежде этого событія,—

прежде, чѣмъ окончательно организовалъ свою общину и обезпечилъ ее матеріально. Отдѣленіе женщинъ въ особый монастырь послѣдовало въ концѣ 1706 года. Нужно думать, что Андрей прибылъ въ Кіевъ около 1708 года. Дальше разсказъ о потѣзкѣ Андрея въ Кіевъ біографъ заключаетъ такими замѣчаніемъ: Андрея превозносили, говоритъ онъ, «дивныя префекты, пречудніи академіи ректоры, преславныя авторы и первѣйшій въ славѣ словесъ, иже послѣди словесомъ своими великии персонаиъ Андрея возносяше...» Андрей Іоанновъ опредѣленно говоритъ, что въ Кіевѣ Андрей подбился «къ ректору» академіи. На основаніи этихъ соображеній мы предполагаемъ, что этотъ учитель Андрея былъ никто другой, какъ Θεοφανъ Прокоповичъ. Онъ былъ въ академіи префектомъ и профессоромъ философіи съ 1708 по 1711 г., — а съ 1711 до 1715 г. ректоромъ и профессоромъ богословія. Онъ же и до префектства, будучи простымъ наставникомъ, по словамъ митр. Евгенія и преосв. Макарія, извѣстенъ былъ своею ученостію и краснорѣчіемъ далеко вѣ Кіева (*); онъ же въ послѣдствіи, будучи въ Петербургѣ, сообразуясь съ духомъ Петра, высказывалъ въ Синодѣ относительно широкіе взгляды на расколъ и способенъ былъ отдать честь дарованіямъ Андрея, — похвалить его предъ великими персонами, — какъ объ этомъ и есть прямое свидѣтельство у біографа въ другомъ мѣстѣ.

Пробывъ въ Кіевѣ болѣе года и собравъ здѣсь все нужное къ подкрѣпленію «древняго благочестія», Андрей возвратился въ свой «Богоявленскій монастырь». «И бяше всѣмъ обителемъ, общежительнымъ же и скитскимъ, неисновѣдная радость; и шедъ въ часовню съ отцы и братією, прежде Богу благодареніе, потомъ же взаимное поздравленіе отдаша.»

Потѣзка Андрея въ Кіевъ довольно характеризуетъ его отношенія къ православнымъ. Какъ относился Андрей къ

(*) См. Истор. словарь о писателяхъ дух. чина митр. Евгенія; преосв. Макарія Истор. кіевск. акад. стр. 158, 160; описаніе кіевософ. собора 228 — 229.

разнорѣчивымъ съ нимъ раскольничьимъ толкамъ? Здѣсь Андрей обнаруживалъ живѣйшее желаніе мира; онъ понималъ, какъ много обезсиливаютъ расколъ эти междоусобныя распри, — какъ хорошо было бы соединиться всѣмъ вмѣстѣ, чтобы стать соединенными силами противъ общаго врага. Онъ обнаруживалъ самую великодушную снисходительность и самую полную терпимость въ отношеніи къ «заблуждающимся братьямъ.» Не ограничиваясь этими отрицательными истреби, Андрей входилъ въ сношенія со всѣми мѣстностями, гдѣ жили раскольники и вездѣ достигъ, если не примиренія, то во всякомъ случаѣ уничтоженія той вражды, какою характеризуются нынѣшнія отношенія поповщины къ безпоповщинѣ. Андрей вездѣ былъ извѣстенъ и уважаемъ, какъ знаменитѣйшій учитель. Всего меньше имѣлъ Андрей усѣха въ сношеніяхъ съ едосѣвцами, которые, на его глазахъ, въ самомъ началѣ его администраторской дѣятельности, отделились отъ погорянъ. Не соглашаясь отказаться отъ своихъ понятій о спорныхъ предметахъ, Андрей, однакожь, полемнику противъ нихъ велъ самую краткую, — не столько полемнику, сколько апологію, какъ выражается Любопытный (*): «Трактаты на еодосіанъ» писаны «витійственно и Христовою любовію.» Желая склонить едосѣвцевъ къ миру, Андрей отправилъ къ нимъ нѣсколько посланій, которыя всѣ имѣютъ характеръ увѣщаній. Такъ, въ письмѣ къ Θεодосію Васильеву онъ горько жалуется, что едосѣвцы, «попирая любовь и страхъ Божій, нарушаютъ единство Христовой церкви, раздирая тѣло Христово на части, не зная, бѣдные, что дѣлаютъ, и что злобствуютъ на церковь, искупленную божественною кровію. «Единъ Богъ, иже православными, древними догматы проповѣдуемый и славимый, а не еретическими новинами, и единая вѣра древняя православная, каеодическая, иже изъ ребръ Распятаго на трисоставнѣмъ, певга, кедра и кипариса, крестъ Владыки Исуса Христа истекшая и еди-

(*) Каталогъ Любопытнаго, ММ 13—18.

нымъ трисоставнымъ крестомъ утвержденная, и на лицѣ своемъ единымъ истиннымъ знаменіемъ исповѣдуемая» (*), такъ начинается Андрей свое посланіе къ Евстрату Феодосевичу, въ которомъ опять убѣждаетъ, «дабы онъ съ поморскою церковію не враждовалъ и единства Христовой церкви не нарушалъ: сего грѣха и мученическая смерть загладить не можетъ» (**). Тоже самое говорилъ онъ послѣ всѣхъ еедосѣвцамъ—дабы они попрали вражду съ Христовою церковію (***) . Но Андрей не ограничивался посланіями: онъ не разъ отправлялъ отъ себя къ еедосѣвщинѣ для устныхъ собѣдований наиболѣе ученыхъ изъ своихъ приближенныхъ: такъ Леонтій Феодосѣвъ, поповъ сынъ, «отъ ребра его сущій», свѣдуещъ писанія, ѣздилъ по порученію Андрея въ Новгородъ и поразилъ соперниковъ такъ, что тѣ самые, къ которымъ ѣздилъ прежде Феодосій, присоединились къ поморянамъ (****). Авторъ «Сказанія о началѣ раздора между еедосѣвами и поморянами» рассказываетъ, что во время самыхъ жаркихъ преній о титулѣ, когда съ обѣихъ сторонъ сердца пламенемъ раздорнымъ пылали и еедосѣвцы обнаружили самую жестокою ненависть къ поморянамъ, ревнуя по всекрѣпкомъ четверобуквеннаго надписанія догматѣ, Андрей напротивъ явилъ «велие снисхожденіе», — онъ не запретилъ одному изъ поморцевъ, купцу Кавурову, сообщаться съ Евстратомъ Феодосѣвымъ. Противопологая Андрея современнымъ себѣ учителямъ, авторъ «Сказанія» говоритъ: «не яко же нынѣшнихъ многочислствующихъ раздорниковъ скорое во вражду и не мирное предложеніе, не точію въ какихъ предашихъ, но и въ паутинныхъ сѣткахъ могуція брань воздвигнути» (*****).

(*) См. этотъ отрывокъ въ сочин.: «О причинахъ раздѣленія поповщины и безпоповщины на мелкія секты,» стр. 14 и слѣд.

(**) Кат. Любопытнаго, № 17.

(***) Отрывки изъ этого посланія см. у Андрея Иоаннова, изд. 1795, ч. II, стр. 19—20.

(****) Преосвящ. Макарія «Исторія раскола,» стр. 268.

(*****) «О прич. раздѣленія поповщины и безпоповщины на мелкія секты,» также у Щапова, стр. 333.

Хотя поздно, Андрею удалось таки (ок. 1725 г.) достигнуть мира съ еодостевцами. Объ этомъ мы находимъ прямое свидѣтельство у Феодора Зенкова (1779 г.) (*): въ письмѣ къ Василию Емельянову, основателю Покровской часовни, сказавши о томъ, что изъ-за титлы на крестѣ Феодосій не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить вмѣстѣ съ поморянами, онъ продолжаетъ: «и сіе раздѣленіе не по правиломъ съ поморскими отцы отецъ Феодосій сотвори; въ томъ я скончася. По семъ настоятель Игнатій Трофимовъ съ Андреемъ Денисовымъ миръ положи до обысканія титлы на животворящемъ крестѣ. И по семъ время шло немало.» Уже по смерти Андрея московскіе поморяне стали говорить тамошнимъ еодостевцамъ: долго ли вамъ держать съ титлами кресты и пр. (**).

Къ поповщинѣ Андрей имѣлъ болѣе миролюбивыя и болѣе близкія отношенія. Съ одной стороны, въ то время еще не установилось такое строгое различіе между поповщиной и безпоповщиной, какъ въ послѣдствіи, — Андрей далеко не былъ такимъ безпоповцемъ, какъ современные намъ: у него въ монастырѣ были священники стараго постриженія, которые и совершали всѣ таинства, какъ напр.: «древній старый священникъ Феодосій»; съ нижегородскими поповцами Андрей былъ въ самыхъ частыхъ сношеніяхъ: изъ нижегородскихъ лѣсовъ многіе пріѣзжали и поселялись въ Выговской обители, и на оборотъ. Во время хлѣбныхъ недородовъ и зябелей, многіе, выходя изъ Выговской пустыни, отправлялись не въ другое мѣсто, а въ нижегородскія пустыни. Для закупки хлѣба самъ Андрей отправлялся не въ иное какое мѣсто, а «въ Нижній» (***) , такъ какъ надѣялся найти тамъ — и дѣйствительно нашелъ — наибольшее число христороубцевъ, людей безразличныхъ къ поповщинѣ и безпоповщинѣ, здѣсь же Андрей конечно не оставилъ посѣтить и прочіе скиты.

(*) См. о немъ у Любопытнаго, стр. 142.

(**) См. рукоп. импер. публ. библіот. № 25 и пр.

(***) »Ист. Выговской пустыни, стр. 87, 128, 129, 133, 137.

Но самымъ яснымъ свидѣтельствомъ дружелюбія Андрея къ поповцамъ служатъ написанные имъ для обитателей керженскихъ лѣсовъ «Діаконовскіе отвѣты». Мы думаемъ, что эти отвѣты написаны Андреемъ. Они не могли быть написаны никѣмъ изъ среды діаконовцевъ. Обитатели керженскихъ лѣсовъ не имѣли въ своей средѣ сколько нибудь даровитаго чело­вѣка, который бы могъ обнаружить въ себѣ такую уче­ность (*). Во главѣ тамошнихъ раскольниковъ стоялъ діаконъ Александръ Мельниковъ очень высокаго мнѣнія объ этомъ чело­вѣкѣ, — онъ считаетъ его авторомъ «Разбора со­борнаго дѣянія на Мартина еретика», разбора, который, по его словамъ, сдѣлалъ бы честь любому русскому ученому палеографу. Исторія совращенія Александра, рассказанная имъ самимъ, показываетъ, что это былъ чело­вѣкъ просто­душный, недалекій, безъ всякихъ свѣдѣній, но искренній и до того воспріимчивый, что даже незатѣйливая рѣчь бабы о томъ, что «истинная вѣра обрѣтается нынѣ въ сокровенномъ мѣстѣ, въ лѣсу», произвела на него сильное впечатлѣніе (**). Авторитетъ его между керженцами основывался вовсе не на умѣ или учености, а на его діаконскомъ санѣ и на просто­душной искренности его незатѣйливыхъ убѣжденій. Но осо­бенно надо принять во вниманіе то, что біографъ прямо при­писываетъ Андрею «Діаконовы отвѣты» и подробно расска­зываетъ исторію написанія ихъ. Во время одной изъ своихъ поѣздокъ въ Москву Андрей спознался тамъ съ единымъ весьма добрымъ чело­вѣкомъ изъ согласія, именуемаго попов­щина. Когда пришла нужда велія нижегородскимъ старовѣ­рамъ отвѣщать письменно противъ злодыхающаго на всѣхъ христіанъ злоютаго Питирима, тогда они все, яко къ могу­щему зѣло своему благодѣтелю, оному отцу Андрея другу учиниша извѣстіе. Этотъ мужъ, зная общую ихъ нужду въ письменномъ руководствѣ, и яко ко оному составленію не-

(*) См. Есипова, II т. «Керженскіе раскольники въ царствованіе Петра».

(**) См. Есипова, т. I, стр. 123—652.

премѣнно быть надлежитъ грамматическому и риторскому искусству и непогрѣшенію въ вѣдѣніи превысочайшей богословіи, — сего же въ своихъ обрѣсти никакже можаше, и зная между тѣмъ, какъ ученъ Андрей, нача его умиленно просити, давая ему все нужное къ написанію отвѣтовъ. Андрей сначала весьма отрицался, являя аки бы свою немощь, притомъ же и несогласіе съ ихъ мнѣніями, кое можетъ иѣ-какое навести на него подозрѣніе. Но послѣ разсудилъ, что если онъ не поможетъ, то и ему въ присныхъ его нуждахъ не будутъ помогать; что предъ своими онъ можетъ оправдаться тѣмъ, что этимъ дѣломъ онъ совершилъ подвигъ благотворенія, — что, наконецъ, въ Св. Писаніи всякаго скота предписывается миловать, тѣмъ болѣе оныя словесныя существа, которыя притомъ явили столько ревности противъ новолюбителей. Такъ онъ и «соорудилъ оныя чиноотвѣтствія», за что великое отъ всего ихъ согласія получилъ благодареніе и «нѣсколько на скудость пустынную пѣназей награжденія» (сто тогдашнихъ рублей, по устному преданію, существующему у раскольниковъ). Особенно большую пользу припесли ему эти занятія для его будущихъ трудовъ, — ябо противъ Неофита онъ выступилъ уже, «яко зѣло обученный воинъ.» Въ самыхъ «Діаконскихъ отвѣтахъ» біографъ указываетъ несомнѣнное доказательство того, что они принадлежатъ Андрею. Въ одномъ изъ отвѣтовъ высказывается мысль, что «древніе священники паки приходящихъ изъ російскія церкви подъ новымъ крещеніемъ совершенно крещашу, — и аще сіе согласію ихъ поповскому и діаконскому и понинѣ не весьма мило: обаче изъ оной весьма пріятной имъ книги вынути не могутъ, и сямъ запечатлѣно есть крѣпко, яко нашъ, а не ихъ всепремудрый учитель имѣлъ труды въ толь великомъ для всѣхъ старовѣрцевъ дѣлѣ.»

Николай Барсовъ.

(Продолженіе будетъ).